

20.1.96.

Ларин Сергей

ПЕВЧЕСКИЕ БИЕННАЛЕ

Лариса ДОЛГАЧЕВА

Май 1990-го. Венская Штаатсопер. "Евгений Онегин". Срочный ввог вместо заболевшей "звезды" на роль Ленского. Успех! Так Случай, ставший едва ли не классическим при начале заметных карьер, придал ускорение и карьере Сергея Ларина.

Сегодня именем 39-летнего тенора пестрят репертуарные разделы всех оперных изданий: Ларин в "Федоре" Ла Скала, Ларин в "Кармен" и "Силе судьбы" на подмостках Мет, Ларин в мюнхенском "Симоне Бокканегра", цюрихском "Онегине", неаполитанской "Аиде", Ларин на Брегенцском и Зальцбургском фестивалях, Ларин — лауреат Вердиевской премии-95, присуждаемой ежегодно лишь одному певцу в мире... В России его почти не знают.

Это "почти" относится к 80-м годам, когда, окончив консерваторию по классу Виргилиуса Норейки, он появился в Вильнюсской опере. Пел три-четыре спектакля в месяц. Изредка гастролитировал с Вильнюсским симфоническим оркестром

Соловьем залетным

Культура. — 1996. — 20 янв. — С. 4

в Москве, Ленинграде. Потом уехал петь в Братиславу, откуда до Вены было уже рукой подать.

С тех пор он лишь раз выступил дома — в прошлом феврале в Нижнем Новгороде, где родился, окончил иняз, где живут его родители. Это была "Тоска" в местной Опере. И вот его вторая "Тоска" на Родине — в Большом театре, куда он был приглашен на один-единственный спектакль.

Как бы описать этот голос? Не сладкий и не трубный. Благородных "кровей" и европейского воспитания. Чуть проступают доминговские интонации. Манит прозрачное пьяно — почти фальцетное, сформированное одним головным резонатором. Певец в самом деле замечательный, но, кажется, было ему не очень комфортно в нашем спектакле.

Пел легко, без видимых стараний, несколько не форсируя звук, — и был неоднократно бит грубоватым, равнодушным (в тот вечер) оркестром Большого под управлением А. Степанова.

Судя по редким высказываниям, воспринимает спектакль не как плацдарм для вокального самовыражения, а как музыкальную драму, не боясь даже и режиссерских новаций, но в этой "Тоске" иг-

рал невыразительно. Или с ходу вжиться не сумел. Или эстетика ее ему чужда.

Находил верные вокальные краски для своей партии — в первом действии у картины еще был безмятежным созерцателем, во втором, добравшись до гимна свободе, как и полагается, придал звуку накаленность, не упустив при этом из виду, что "пусть дрожат палачи" поет измученный пытками человек, в третьем явился скорбным лириком — но под красочным слоем таилась странная невозмутимость. Да любит ли он эту женщину? Страшится ли смерти? Не докопаешься. Его тонус явно не совпадал с открытым, порой экстаическим возбуждением, с которым вели свои роли Маквала Касрашвили и Юрий Мазурок. Тоска со Скарпиа были из одного спектакля, а Каварадосси из другого, где проявления сильных чувств могут быть сдержаннее и будут потрясать, но в отличном от того, что мы имеем в Большом театре, постановочном контексте. Вне его Сергей Ларин так и остался Сергеем Лариным. Долгожданным гостем. Бенефициантом. Но и в этой роли, похоже, многого не договорившим.